

Глава первая

*16 июля 1512 года
Замок Гевер в Кенте*

В сякий раз, оглядываясь с высоты прожитых лет, она мысленно видела тот солнечный день в Гевере, когда впервые узнала, что в жизни существуют такие вещи, как сомнения, страх и боль. Все они были тогда такими юными: ей едва минуло восемь лет, Джордж был на год старше — значит, малышке Анне в то лето исполнилось пять. Июльское солнце нежно ласкало золотыми лучами зелень ухоженного маленького сада, окаймленные тисами лужайки и густую траву геверских газонов. Но грезы об этой красоте, о ласковом тепле меркли под гнетом воспоминаний, упрятанных в темные глубины памяти. Ведь именно в тот день она впервые узнала, что ее отсылают далеко от дома, превращают в инструмент в чужих руках, а дорогая матушка так опечалится из-за этого.

Прежде всего вспоминается, как визжит от восторга Анна, как Джордж высоким голосом выкрикивает команды, а в ответ раздается тьякканье рыжих щенков спаниелей, такое громкое, что в нем едва не тонет гудение пчел над клумбами роз и турецкой гвоздики. Этот выводок всего четыре месяца назад принесла мамина любимица Глинда, но Джордж вознамерился выдрессировать их как следует и сделать так, чтобы они признавали хозяином его.

— А ну, прекратить! Немедленно прекратить! Я научу вас повиноваться, щенята неразумные! — Когда Джордж выкрикивал это, в его мальчишеском дисканте прорезались взрослые нотки и он ловко щелкал спаниелей ивовым прутиком. Щенкам было больно, они сердито тьякали, но все так же резвились

и боролись друг с другом — мелькали только длинные шелковистые уши и неловкие пока лапы.

— Угомонись, Джордж! Бесплезно хлестать их и дрессировать, они еще слишком малы, — слышался чистый голосок Марии, сидевшей чуть в стороне от всей этой возни, в беседке, увитой диким виноградом. Ее начинали сердить и слишком громкий смех, и жалобное твяканье щенков. — Они же не охотничьи собаки, это комнатные собачки для дам. Для их дрессировки нужны только нежность и любовь. Оставь их в покое, не то пожалуюсь матушке или Симонетте!

Брат повернулся к ней, лицо его скривилось в презрительной ухмылке. Он упер кулаки в бока, выпрямился и сощурился от солнца, вглядываясь в затененное убежище сестры.

— Ты не смеешь помыкать мною, Мария. Я — старший, я — сын, и я уже владею тремя гончими и двумя соколами. И служба при дворе короля ожидает меня куда раньше, чем тебя. Мне отец обещал!

— И теперь обещал? — насмешливо бросила Мария. В последнее время Джордж очень сердил ее: он вел себя так, будто уже стал рыцарем или оруженосцем лорда, а не остался безвестным деревенским мальчуганом, отец которого служит при дворе и почти никогда не бывает дома. — Имей в виду, мы можем так и остаться с матушкой в Гевере, а может быть, в Бликинге или Рочфорде, и вовсе не попасть ко двору, — добавила она.

Обычно такого рода колкости выбивали Джорджа из колеи и заставляли утихомириться, но на этот раз вышло по-иному. Брат быстрым шагом устремился к ней и, когда он оказался в тени беседки, Марию удивили его покрасневшие щеки и сошедшиеся на переносице брови. Вслед за рассерженным братом бежала разбигаемая любопытством Анна, ее черные как вороново крыло волосы выбились из-под перевитой белыми лентами шляпки.

— Светловолосая госпожа Мария, унаследовавшая красоту бабушки Говард! Не воображай, что ты выше нас с Анной, потому что темные кудри и не такие тонкие черты выдают в нас кровь Батлеров. Крови Говардов в нас ни капельки не меньше,

и когда-нибудь я стану хозяином здесь, в Гевере, а тебе придется слушаться меня, не то я выдам тебя замуж за какого-нибудь бедного рыцаря, у которого и земли-то чуть-чуть!

Горячность брата удивила девочку — ведь она не раз поддразнивала склонного командовать Джорджа или молча усмехалась, когда он пытался показать свое превосходство; однако он почти никогда не отвечал ей так, как в этот раз. Мария даже немного испугалась и готова была дать надменный ответ, если бы на нее не смотрели так доверчиво огромные карие глазищи Анны.

— Ничего дурного я не хотела сказать, братец, и никогда не говорила, будто во мне больше крови Говардов, чем в тебе. Наш господин часто повторяет, что мы должны гордиться своим происхождением от ирландца Батлера и могущественного Норфолка — разве наш дедушка не был хранителем казны отца нашего короля?

Джордж небрежно кивнул, словно поставил сестру на место, и вновь обратил свое внимание на щенков. Те же, устав от своей возни, растянулись в лужицах солнечных зайчиков у клумбы с ноготками.

Анна, напротив, не спешила уходить, стояла рядом, и ее светло-желтое платьице едва не касалось густо-зеленых юбок Марии. Малышка часто не сводила глаз со старшей сестры. Ее приводили в восторг золотистые волосы, ясные голубые глаза и хорошенькое личико Марии, красоту которой отмечали все, но крошка Анна гораздо сильнее самой Марии чувствовала, насколько это важно. Так или иначе, эта красота показывала, что Мария особенная, не такая, как все, и пусть Джорджу это не нравилось, зато малышка взирала на сестру с восторгом и обожанием.

— Мария, а почему нам нельзя пойти в светлицу повидать отца? Он так редко приезжает увидеться с нами! Что он рассказывает матушке такого секретного, что Симонетта отослала нас прочь из дома? Вот если бы он вышел сюда, поиграл с нами и со щенками! Только он не выйдет, я знаю.

Анна села рядом с Марией на деревянную скамью и сложила руки на коленях. Выглядела она при этом такой робкой и за-

стенчивой, что Мария не в первый уже раз подивилась тому, как мгновенно может меняться настроение у этой девочки, непостоянной, как ртуть. Старшая сестра не ведала ни такого лихорадочного возбуждения, ни таких приступов гнева со слезами и криками, на какие была способна Анна.

— Милая Энни¹, Симонетта сказала лишь, что отец хочет сообщить матери что-то важное, а нам обо всем расскажут позже. Уверена, ты сможешь потерпеть до ужина, ведь отец в любом случае не уедет раньше завтрашнего утра, вот ты его и спросишь за ужином, проказница.

Малышка, у которой сошел со щек румянец, прикусила губу, и Мария поняла, что сейчас последует новый вопрос. Неужели она никогда не устает от бесконечных стараний разобраться во всем подряд? «Ум у нее быстрый, а во французском и в латыни она скоро и меня перегонит», — подумала Мария.

— Мария, — сказала своим тоненьким голоском Анна, — а как ты думаешь, король в жизни такой же, как на портретах? Когда я спускаюсь по лестнице или поднимаюсь в светлицу, мне всегда кажется, что он искоса смотрит на меня. У него такие большие, сильные руки! И вид такой строгий, даже страшно делается!

Глаза у нее стали будто влажная черная галька на берегу ручья, и Мария погладила ее белую щечку.

— Я тоже не видела Его величество, малышка, но ты же знаешь, отец очень гордится этой копией с портрета мастера ван Клеве². Я думаю, король там очень хорошо нарисован. Я согласна с тобой, Энни: глаза и руки у него такие, что вправду страшновато, особенно ночью, когда повсюду в холле темно, только свечи чуть мерцают. — Она подумала и добавила: — Хочешь еще что-то спросить, Энни?

Мария улыбнулась младшей сестре; та яркая красота, которая злила Джорджа, заботила мать и радовала отца, сестренку

¹ Англ. уменьшительное от имени Анна.

² Йос ван Клеве (наст. фамилия ван дер Беке; ум. 1540 или 1541) — нидерландский художник-портретист.

восхищала и удивляла: а почему у нее самой нет таких золотистых волос, небесно-голубых глаз и такого ангельского личика, точно на витражах в бабушкиной часовне?

— Просто я надеюсь, Мария, что он вернулся не для того, чтобы увезти меня к королевскому двору: мне страшно было бы уехать от мамы, Симонетты, Джорджа и тебя. Страшно, даже если бы отец был там, потому что у отца и глаза, и руки как у короля. — Губы у нее задрожали, и это глубоко тронуло Марию, хотя сама она не испытывала таких детских страхов.

— Не нужно, Энни, не бойся. Мы еще слишком маленькие, чтобы уезжать отсюда. Первым, верно, уедет Джордж; конечно, мы с тобой можем быть с кем-нибудь помолвлены, но об этом пока и речь не заходила. Может, отец приехал сообщить, что его намного повысили, и он уже не просто дворянин королевской свиты? Я знаю, что отец хочет подняться высоко.

— Правда, Мария. И матушка говорит, что он своего добьется. А как ты думаешь, она тоже скучает по нему, как и мы?

— Ну конечно! Даже больше, я думаю. Но ей нравится здесь, а ко двору вовсе не хочется, хотя и не знаю отчего. Да и кому не понравилось бы жить в нашем Гевере, Энни? — Мария быстро обежала глазами невысокие кусты самшита и тщательно ухоженные клумбы с буйно цветущими ноготками, львиным зевом и нежными анютиными глазками.

— Отец скоро снова поскачет на королевскую службу, а нам будет тихо и спокойно здесь, с матушкой и Симонеттой. Вот увидишь! — успокоила она сестру.

Крошка одарила ее лучезарной улыбкой и сломя голову умчалась в другой конец сада, к Джорджу и щенкам. Вскоре на весь сад снова разносились мелодичный смех малышки и команды Джорджа, перемежающиеся возбужденным твяканьем щенячьего выводка.

Мария с гримаской неудовольствия поднялась со скамьи и ушла подальше от игр: ей не хотелось снова кричать на Джорджа и ссориться с ним. К тому же невинные вопросы Анны встревожили ее куда сильнее, чем жестокость брата по отношению к щенкам.

Отец совершенно неожиданно прискакал из самого Гринвича, едва не загнав коня. Он привез важные для семьи вести — это она знала. Однако девочку больше всего озадачило и встревожило то, что он отослал детей играть в сад, тогда как Симонетту позвал к себе. Для чего их гувернантке слушать, что он скажет, если только это не касается одного из трех ее подопечных — отпрысков рода Буллен? Сердечко забилося чуть сильнее, когда она обогнула окаймлявшие прямоугольник сада кусты самшита с их пьянящим ароматом и вышла на дорожку к дому.

Стоило ей выйти из сада — и тут же открылся нарядный фасад замка Гевер, будто драгоценный самоцвет в прозрачно-голубой оправе безоблачного неба. Стены из светло-желтого кирпича, декоративные дымовые трубы главного здания, ров, в котором там и сям плавали водяные лилии, — все это было окружено лугами, раскинувшимися между двумя рукавами тихой реки Иден. Мария хорошо знала историю замка, ведь то была славная история ее семьи, ее предков, и она — как и Джордж, и Энни — наизусть помнила все подробности.

«Замок построен нашим прадедом Джефффри Булленом, лорд-мэром Лондона, взявшим себе в жены гордую дочь лорда Ху, — проговорила девочка нараспев. — Поначалу это был простой охотничий домик, ныне же он превратился в родовое гнездо его внука, лорда Томаса Буллена, занимающего пост при дворе великого короля Генриха, и его супруги, леди Элизабет Буллен». Эта декламация задала ритм шагам Марии к дому, временно закрытому для нее и других младших Булленов. Она прошла через подъемный мост, теперь уже бесполезный в военном отношении, миновала ворота, где над головой нависали заржавевшие острия опускной решетки. Когда Марии было столько лет, сколько теперь Анне, она воображала, что эти ворота — пасть огромного страшного дракона, который в любой миг может захлопнуть челюсти и съесть юную красавицу, попавшую к нему в зубы. Тогда, давным-давно, она вихрем мчалась через ворота, дрожа от страха, что железные челюсти за-